

Материалы, публикуемые в рамках конференции
**«Семioзис и культура: человек в современном
коммуникативном пространстве»**
(13—15 декабря 2018 года, г. Сыктывкар)

УДК 008

С. Н. Иконникова, И. В. Леонов

**Основные модели и «когнитивные ловушки»
биографических исследований**

В статье дается характеристика биографики как направления, основу которого составляет реконструкция жизненного и творческого пути личностей. Затрагиваются некоторые формы биографий, обусловленные историко-контекстуальными обстоятельствами. Дается обзор основных моделей биографических исследований, среди которых хронологическая, социологическая, психологическая, культурологическая, историческая, художественная и автобиографическая. Анализируется вопрос различных степеней авторских искажений биографий, наличие которых в подобного рода исследованиях неизбежно, а порой необходимо. Затрагиваются диалогические аспекты биографического метода, обусловленные взаимодействием исследовательских и историко-контекстуальных факторов. В рамках фиксации отдельных биографических направлений, таких как «пушкиниана», «ахматоведение», «ериховедение» и т. д., ставится проблема множественности биографических прочтений, порой противоречащих друг другу. Отмечается знаковая природа биографических исследований, включая проблему подбора, компоновки и интерпретации знаков.

Ключевые слова: биографика, биографический метод, историческая культурология, культуральная история, воображаемое, интерпретация, диалог.

S. N. Ikonnikova, I. V. Leonov. Basic models and «cognitive traps» of biographical research

The article gives the characteristic of biographics as a direction, the basis of which is the reconstruction of life and creative path of individuals. Some forms of biographies due to historical and contextual circumstances are touched upon. The review of the main models of biographical research, including chronological, sociological, psychological, cultural, historical, artistic and autobiographical. The question of various degrees of author's biographies distortions, the presence of which in this kind of research is inevitable and sometimes necessary, is analyzed. The dialogical aspects of the biographical method due to the interaction of research and historical and contextual factors are touched upon. In the framework of the fixation of the individual biographical fields, such as «Pushkiniana», «Akhmatology», «Roerichology», etc., raises the problem of the multiplicity of biographical interpretations, sometimes contradictory. The symbolic nature of biographical research, including the problem of selection, arrangement and interpretation of signs, is noted.

Keywords: *biographics, biographical method, historical culturology, cultural history, imaginary, interpretation, dialogue.*

В современной науке растет интерес к исторической культурологии, культуральной истории и другим смежным исследовательским области, направленным на изучение различных аспектов историогенеза культуры. Одной из «точек притяжения» в данной сфере исследований является биографика — отрасль гуманитарного знания, предметом которой является реконструкция жизненного и творческого пути личности. Широкое применение биографического метода в современной науке, включая множество его дисциплинарных конкретизаций, определяет важность дальнейшей разработки и обоснования его эвристического потенциала в культурологии, истории, социологии, искусствоведении и других сферах знания.

Биографическая литература, включающая жизнеописания, мемуары, автобиографии, дневники и переписку, пользуется большим спросом у читателей. Все больше людей интересуются своими историческими корнями, реконструируют историю своих семей. В мире открывается множество центров изучения биографии и реконструкции генеалогии, биографическая проблематика находит отражение в деятельности многих средств массовой информации и литературных сериях.

Реальная жизнь человека многомерна, неповторима, противоречива. Галереи известных личностей и деятелей всегда являлись не-

обходимым дополнением и важной частью духовной культуры общества. Все творческие произведения рождаются из глубины личного бытия, зависят от эмоционального и интеллектуального состояния человека, социального климата поддержки талантов и дарований в обществе.

В биографиях не только представлены индивидуальные характеристики личностей, но и дается отношение к культурно-исторической ситуации, к событиям и другим людям. Биографическое портретирование — это своеобразное «удвоение» реальности, реконструкция, «воскрешение» образа человека. Жанр биографии позволяет представить разнообразие жизненных стратегий, альтернативные варианты жизненного пути, отношение к успеху и провалу, финансовым трудностям и политическим компромиссам.

Биографические повествования носят разнообразный характер, который во многом определяется контекстуальными историко-культурными условиями их написания.

Так, в недавнем советском прошлом данный жанр исследований подчинялся идеологическим и парадигмальным требованиям. Основой жизни человека считалась «трудовая биография», достижение поставленных целей, политическая преданность и надежность. Согласно этой идеологической основе было создано немало «псевдобιοграфий», сознательно искаженных и представляющих ту или иную личность в свете идеологического фона. В результате возникали «мраморные двойники», отдаленно напоминающие реальных прототипов. Однако данного рода искажения выполняли функцию инструмента трансляции определенной идентичности, включая ее политико-идеологический аспект, формируя основу для воспитания подрастающего поколения в рамках общества, строящего коммунистическое будущее. Кроме того, не стоит забывать о том, что большое число похожих биографий советских людей, искренне веривших в идеалы советского времени и совершавших во имя их достижения трудовые и военные подвиги, не являлись выдуманными и идеологически выправленными.

В данном случае проявляется особый вектор биографических исследований, направленный на привитие идеалов, ценностей и образцов поведения, которые оказывают несомненное воздействие на человека, читающего биографию личности, которая его интересует

и которая может выступать для него кумиром. *Отмеченный потенциал биографики используется во многих странах, а «гуманитарные технологии» его применения должны изучаться и внедряться в интересах сохранения ценностных основ и гуманистической направленности культуры.*

Еще одной особенностью биографического жанра, ставшей популярной в нашей стране после распада СССР, является чрезмерное увлечение бытовыми подробностями, перечислениями измен, ссор, конфликтов, долгов и т. п. Такого рода «исследования» хоть и представляют определенный интерес, ведут к снижению мнения о неповторимой индивидуальности личности, вызывают снисходительное, а иногда презрительное отношение, распространяющееся и на творчество. Без четких ценностных или идеологических ориентаций культуры в ней появляется склонность к разобщению биографий. Люди начинают жить сами по себе, в своей повседневности, в большинстве своем склоняясь к феноменологическому многообразию биографий и нередко к смакованию inferнальных сторон жизни интересующих персонажей.

Другой крен биографических исследований иллюстрирует философия постмодернизма, для которой было характерно преобладание скептического отношения к информационной значимости биографических повествований. К примеру, М. Фуко считал реальными лишь произведения писателя, художника. Описание жизни — это «след на песке», который деформируется и исчезает от прикосновения биографа. Не менее категорична точка зрения Р. Барта, утвердившего «смерть автора», жизнь которого тривиальна и обыденна, а поэтому не представляет интереса.

Помимо названных существуют и другие образцы, или паттерны, биографических повествований, характерные для различных культур и периодов истории. Эволюция данных паттернов представляет собой отдельный аспект биографики.

Приведенные суждения о роли и характере биографических исследований, сопровождаемые постоянным интересом читателей к данному жанру, говорят о социальной значимости этой проблемы, имеющей высокий коэффициент воздействия на социокультурную реальность, а также являющейся ее своеобразным маркером.

Перечень существующих моделей биографического исследова-

ния на протяжении развития знания обогащается как в сфере общенаучных теоретико-методологических достижений, так и в рамках развития отраслевого знания. Обозначим некоторые из них:

1. *Хронологическая модель* состоит из перечня дат наиболее значимых жизненных этапов, встреч и событий, движущихся друг за другом по «стреле времени».

2. *Социологическая модель* определяет последовательность профессионального становления и социальной мобильности личности, определяет степень ее участия в социокультурной реальности.

3. *Психологическая модель* выносит в центр исследования мотивы сознания и поведения, причины поступков, описание намерений, поиски принятия решений, влияние друзей и знакомых, опыт самореализации.

4. *Культурологическая модель* сосредотачивает внимание на духовном облике человека, его ценностных ориентациях, политических интересах и художественных предпочтениях, нравственных нормах и религиозных верованиях, определяет критерии жизненного успеха и творческой популярности¹.

5. *Историческая модель* направлена на изучение взаимосвязей жизненного пути личности, ее внутреннего мира и результатов деятельности с конкретной исторической эпохой.

6. *Художественная модель* выявляет наиболее значимые черты внешнего облика человека, их корреляцию с духовным миром, воплощение жизненных событий в творчестве.

7. *Автобиографическая модель* представляет жизненный опыт самопознания, самооценки и самореализации личности. В этом проявляется значение субъективного взгляда на собственную жизнь и творчество, эмоциональное отношение к окружающему миру.

Можно продолжить моделирование биографических жизнеописаний по другим основаниям, которые в чистом виде встречаются редко, обычно образуя синтетические теоретико-методологические формы. И каждая модель будет раскрывать определенные грани в понимании сложного и таинственного мира исторической, творческой индивидуальности личности.

---

¹ В данном ракурсе речь идет в первую очередь об аксиологической традиции понимания культуры и культурологии.

Тем не менее биографическое исследование, будучи направлено на раскрытие жизненного пути человека с целью понять его внутренний мир и результаты деятельности, увидеть личность через эпоху или, напротив, эпоху через личность, не лишено «когнитивных ловушек», рождаемых субъективной сферой, оно таит в себе опасность ментальных провалов и отклонений. В первую очередь речь идет о воображаемых аспектах биографического исследования.

Тема воображаемого является многогранной и сложной, распространяясь на сферу самых разных областей знания. Воображаемое представляет собой необходимый элемент процесса взаимодействия человека с реальностью и выступает как особый «посредник» между миром и человеком в процессе культуротворчества. Учитывая, что с течением истории культуры симуляции реальности обретают все более сложный характер, постепенно освобождая воображение от обусловленности внешними условиями культуры, воображаемое постепенно замещает реальность, поглощая человека в виртуальных мирах, рожденных и существующих в ментальной сфере. Данное обстоятельство, с учетом фрагментарного уровня анализа отмеченной проблематики, ограниченного оригинальными работами О. Шпенглера, Ж. Делеза, Ф. Гваттари, Ж. Бодрийяра и Г. Д. Гачева, делает изучение сферы воображаемого как феномена культуры актуальным и востребованным.

В рамках философского и культурологического осмысления различных аспектов воображаемого обращает на себя внимание ряд статей, а также фундаментальная монография Н. Н. Суворова «Воображаемое как феномен культуры» [1; 2; 3]. Так, в указанной монографии сформулирован и проанализирован практически весь спектр различных граней проблемы воображаемого, выступающего в качестве ментальной конструкции, одновременно имеющей и не имеющей отношения к объективному миру вещей; раскрывается вопрос обусловленности ментальной сферы человека самой реальностью; анализируется роль воображаемого в отражении бытия в сознании человека; рассматривается влияние воображаемого на процесс взаимодействия человека с реальностью, в частности способность воображаемого подготавливать и порождать новые события; анализируется вопрос реальности виртуального и т. д.

Представленный аспект занимает в историко-биографических исследованиях особое место. Без него биографии превратились бы в документированную хроноструктуру дат, событий и поступков. То же самое касается и характеристик человека, связанных с воспоминаниями современников, оценками потомков, а также личным отношением автора. На всех этих уровнях биография «отфильтровывается», преобразуется и дополняется воображением и личным участием всех участников исследования.

Как следствие, биограф сталкивается с рядом «соблазнов», выраженных в опасности чрезмерного ментального погружения во внутренний мир героя. Реконструируя и изучая чужую биографию, исследователь воображает и преломляет ее по своему подобию, согласно своим убеждениям, ценностям и вкусовым пристрастиям. Биографу трудно остаться отвлеченным наблюдателем, он невольно становится участником событий, формируя свое мнение обо всем и невольно навязывая его герою своего исследования. В результате биография сознательно или непроизвольно трансформируется согласно видению исследователя. *И вряд ли можно найти биографию, полностью лишенную данной авторской составляющей.*

Названные «игры разума», точнее «воображаемого», расширяют пределы изучаемого материала. В своей крайности такой крен может порождать своеобразный «биографический толкиенизм», окутанный ореолом романтизации или демонизации героя, включая его эпоху.

Однако увеличение личного участия исследователя в реконструкции и изучении биографии не всегда носит явно критический характер. Одной из сфер знания, где подобного рода исследования находят свое место, является культуральная история. Речь идет о написании биографий на основании малой степени источников, отсутствие которых компенсирует исследователь, додумывая и моделируя жизненный путь человека.

Примером такой историко-культурной реконструкции биографии является книга итальянского историка К. Гинзбурга «Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в.» [4]. В этом исследовании на основании анализа рассекреченных Ватиканом протоколов инквизиционного процесса XVI века ученый осуществляет реконструкцию мировоззрения и жизненного пути фриульского

мельника Доменико Сканделла, прозванного Меноккио, жившего на севере Италии и приговоренного к смерти за свои еретические убеждения. Данные протоколы, будучи вполне состоятельными документами, включали массу высказываний Меноккио, а также отрывочную информацию о книгах, которые он мог прочитать на протяжении жизни и под влиянием которых формировались его убеждения. Интерес К. Гинзбурга к личности мельника был вызван тем, что, исходя из сохранившихся документов, ему удалось создать на первый взгляд странную и нетипичную для своего времени картину мира, представляющую собой некий синтез идей, постренессансной культуры Европы в ее сословных и хронологических измерениях. В результате, опираясь на сохранившиеся протоколы, К. Гинзбург осуществил реконструкцию жизни и убеждений фриульского крестьянина, представив особый тип биографического исследования в рамках культуральной истории, содержащий высокую степень авторской реконструкции по мотивам документированных «улик». Остается добавить, что данный тип исследования находится в предметной сфере, которая отрывается от строго научной классической традиции, однако вполне вписывается в рамки культуральной истории и постнеклассической традиции в целом.

Биографии, включая автобиографии, всегда пишутся кем-то, для кого-то и в определенном историко-культурном контексте. Подобные тексты могут сознательно искажаться автором, ориентированным на определенного читателя и представляющего его вниманию дозированную и отфильтрованную информацию, сопровождаемую соответствующими интерпретациями. В результате биографии могут поведать многое не только о главном персонаже, но и о биографах, а также об историческом контексте, в котором они писались и прочитывались. Все эти и многие другие составляющие накладываются друг на друга, образуя сложную систему смысловых взаимодействий, «складок» и «расширений», размывающих и усложняющих поле биографического исследования. В данном случае, полемизируя с идеей о «смерти автора», можно коснуться проблемы «послания биографа», видящего чью-то биографию именно так, а не иначе. И при наличии множества биографий определенного персонажа можно вести речь о специфике и эвристической значимости данных прочтений.

В сфере изучения биографий известных личностей возникают самостоятельные направления, получающие соответствующие названия — «пушкиниана», «ахматоведение», «рериховедение» и т. д. Суть этих направлений не всегда сводится к созданию некой правильной и исчерпывающей биографии; их специфика выражается в *диалоге прочтений*, обогащающих палитру знания о некоем персонаже. В качестве примера можно привести изобилие биографий Леонардо до Винчи, созданных как в России, так и за рубежом. Данные биографии, от Дж. Вазари до А. Л. Волынского, Д. С. Мережковского, С. М. Стама и многих других исследователей, создавались и дополнялись в контексте разных культур, рождая диалог исторических интерпретаций личности Леонардо и его наследия, а также биографов и эпох, обращавших внимание на итальянского гения.

Результатом такого многообразия становится жизнь персонажа в нескольких вариантах биографий, что служит основой некоторых разочарований в возможности воспроизвести чью-то жизнь адекватно. В данном случае показательно мнение Фаины Георгиевны Раневской, ответившей на предложение написать воспоминания об Ахматовой: «Есть еще и посмертная казнь, это воспоминание о ней ее “лучших” друзей», имея в виду различные спекуляции и искажения памяти. Интересен также упоминаемый Раневской сон, в котором она решила не говорить явившейся к ней Анне Андреевне о посвященных ей посмертных стихах «Памяти Ахматовой», написанных Евтушенко [5, гл. 3, 6]. Итогом стал отказ Раневской писать отдельные мемуары об Ахматовой, за исключением сохранившихся обрывочных воспоминаний, по всей видимости, обусловленный нежеланием участвовать в упомянутой «казни».

Также нельзя упускать из виду семиотические аспекты биографии, поскольку все, что мы знаем о жизни того или иного человека, во многом основано на *знаках*. Соответственно, «мир биографии» попадает в зависимость от процесса подбора, компоновки и интерпретации данных знаков. В отмеченном аспекте показательное мнение Г. Г. Шпета о реконструкции исторической реальности, воссоздавая которую исследователи пользуются лишь знаками прошлого, по-своему группируя и интерпретируя их [6]. В таком аспекте основу любого биографического исследования составляют знаки прошлого, выбранные и упорядоченные исследователем в структурированный

жизненный путь человека. Причем отбор соответствующих знаков и способы их структурирования нередко связаны с устоявшимися клише и паттернами, которые доминируют на тот или иной момент времени, например: год и город рождения, номер школы, вуз, работа, брак, дети, основные достижения, произведения и т. д. Такие паттерны хоть и носят общепринятый характер, как правило, имеют ограниченный потенциал, а потому они не способны отразить все стороны жизни человека.

Перечисленные аспекты биографии показывают, что субъективная сторона данных исследований представляет собой значимую проблемную область, дальнейшая разработка которой вполне перспективна и востребована.

Библиографический список

1. Суворов Н. Н. Воображаемое как феномен культуры. СПб.: СПбГИК, 2018. 300 с.
2. Суворов Н. Н. Наступление воображаемого: воображаемое как феномен культуры // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 2 (27). С. 73—81.
3. Суворов Н. Н. Памятник культуры как воображаемая реальность // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 4 (33). С. 76—80.
4. Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. / Пер. с итал. М. Л. Андреева, М. Н. Архангельской. М.: Российская политическая энциклопедия, 2000. 272 с.
5. Гейзер М. М. Фаина Раневская. Москва: Молодая гвардия, 2010. 308 с. (Жизнь замечательных людей: Малая серия).
6. Шпет Г. Г. История как проблема логики: Критические и методологические исследования. Изд. 3-е. Москва: ЛИБРОКОМ, 2011. 488 с.

References

1. Suvorov N. N. *Voobrazhayemoye kak fenomen kul'tury* [Imaginary as a phenomenon of culture]. St.-Petersburg, SPbGik, 2018. 300 (in Russ.).
2. Suvorov N. N. *Nastupleniye voobrazhayemogo: voobrazhayemoye kak fenomen kul'tury* [The offensive of the imaginary: the imaginary as a phenome-

non of culture]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv — Herald of the St. Petersburg State University of Culture and Arts, 2016, no. 2 (27), pp. 73—81 (in Russ.).

3. Suvorov N. N. *Pamyatnik kul'tury kak voobrazhayemaya real'nost'* [Monument of culture as an imaginary reality]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv — Herald of the St. Petersburg State University of Culture and Arts, 2017, no 4 (33), pp. 76—80 (in Russ.).

4. Ginzburg C. *Syr i chervi. Kartina mira odnogo mel'nika, zhivshego v XVI v.* [Cheese and worms. Picture of the world of one miller, who lived in the XVI cent., transl. from Ital. M. L. Andreeva, M. N. Arkhangelskoy]. Moscow, Russian political encyclopedia Publ., 2000, 272 p. (in Russ.).

5. Geyser M. M. *Faina Ranevskaya* [Faina Ranevskaya]. Moscow, Young guard Publ., 2010, 308 p. (Life of remarkable people: Small series) (in Russ.).

6. Shpet G. G. *Istoriya kak problema logiki: Kriticheskiye i metodologicheskiye issledovaniya* [History as a problem of logics: Critical and methodological research]. Vol. 3-d. Moscow, LIBROCOM Publ., 2011. 488 p. (in Russ.).